

Агния Кузнецова

Мы из Коршуна

ФТМ

Агния Кузнецова (Маркова)

Мы из Коршуна

«ФТМ»

1966

Кузнецова (Маркова) А. А.

Мы из Коршуна / А. А. Кузнецова (Маркова) — «ФТМ», 1966

«... Моторная лодка, только что обогнавшая катер, колыхалась на воде почти что рядом. К ней подплыла сперва узкая остроносая лодка, а потом и три других.— Искупаться бы! — неожиданно сказал Ваня, вытирая платком вспотевшее лицо. — С лодки бы и в море...— Что вы! — перебила его Минна. — Сюда часто заплывают акулы. Здесь купаться нельзя. Но Ваня вдруг как-то странно посмотрел вперед, стремительно и осторожно поднялся и, в чем был, даже не сняв отцовские часы, нырнул в море. Страшный переполох начался на катере. Все вскочили. Катер резко закачался. Капитан, худой, загорелый итальянец в тельняшке, в старом, выгоревшем на солнце берете, закричал:— Сумасшедший!— Боже мой! — воскликнула Минна, хватаясь за голову. Саша, бледная, изумленная, с ужасом смотрела на то место, куда бросился Ваня, — по воде растекались разноцветные круги. Вначале никто не заметил, что и на моторной лодке поднялось волнение. Одновременно с Ваней в море нырнул итальянец с остроносой лодки. И только спустя несколько мгновений, когда над водой появилась голова Вани и рядом — итальянца, все стало ясно. ...»

© Кузнецова (Маркова) А. А., 1966

© ФТМ, 1966

Содержание

1	5
2	10
3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Агния Кузнецова

Мы из Коршуна

1

Однажды в Москве на страницах популярной газеты появилось письмо итальянского режиссера Рамоло Марчеллини. Он обращался к советским людям с просьбой: если кому-либо известно, сообщить о судьбе его сына Георгия Марчеллини, который во вторую мировую войну был мобилизован фашистским правительством в армию, на фронте перешел на сторону русских, был тяжело ранен и отправлен в госпиталь, в глубь Советской страны. Многие прочли письмо итальянца: одни с интересом, другие равнодушно. Больше всех были взволнованы письмом режиссера в рабочем поселке Коршун, что стоит на высоком берегу Оби, на севере Западной Сибири. Здесь, особенно в Коршунской школе, о письме говорили долго и десятки раз его перечитывали.

А вечером телеграф областного центра передал молнию:

Италия. Венеция. Режиссеру Рамоло Марчеллини. Ваш сын Георгий Марчеллини похоронен в рабочем поселке Коршун. Подробности сообщим письмом. Ученики Коршунской школы.

Несколько дней школьники сочиняли ответное письмо, вспоминали все, что было связано с могилой итальянца, вновь пытались разыскать тех, кто знал или слышал что-либо о погибшем, подбирали разрозненные заметки из школьных стенных газет. И события приобрели последовательность и стали проясняться.

К поселку Коршун нет железнодорожных путей. Летом идут по широкой, многоводной Оби мощные тупоносые буксирные пароходы, тяжело таща баржи с лесом. Легко и плавно, как белые лебеди, плывут пассажирские пароходы, названные дорогими именами: «Ленин», «Маркс», «Максим Горький», «Чехов»... Задрав кверху нос, будто присев назад, едва касаясь воды и оставляя за собой длинный хвост из пены и волн, скользят быстроходные «Ракеты». Оглашая реку зычными гудками, суда проплывают мимо Коршуна, иногда останавливаются у причала, раскачивая волнами дощатую пристань и будоража ряды разноцветных лодок, уткнувшихся носами в берег. Зимой поселок Коршун связывают с миром только лишь серебристые «илы».

А сейчас в Сибири весна. Все вокруг напоено солнечным блеском: и синее безоблачное небо, и тайга, тронутая яркой молодой зеленью, и величавая красавица Обь, и небольшая, торопливая и шумная речушка Коршун, по которой день и ночь плывет и плывет к заводу лес.

Коршун – обычный современный поселок, с широкими улицами и новыми домами. В центре деревянная двухэтажная школа, а к ней прилепился невысокий дом с большими квадратными окнами и широким крыльцом. Это интернат.

Весной, так же как и зимой, шумно и весело в поселке. Из дальних мест сюда на зиму съезжаются школьники. Для некоторых учеников родители сняли углы и комнаты у хозяек, а большинство приезжих живут в интернате.

Вот в интернате-то первыми и прочитали письмо Рамоло Марчеллини. И кто бы выдумали? Техничка Фекла Ивановна.

Под вечер она шумно вошла в комнату девочек с развернутой газетой в руках и пристально глядя на них поверх сдвинутых на кончик носа очков. Голова у нее была повязана красным выцветшим платком. Платок туго и низко облегал лоб до самых бровей, рыжеватых

и пушистых, открывая маленькие, аккуратные уши. На Фекле Ивановне был синий халат-спецовка и на босу ногу глубокие резиновые галоши, которые при каждом шаге норовили ускользнуть вперед.

Две девочки за небольшим столом, накрытым белой скатертью, учили уроки. Чтобы не пачкать недавно вымытый пол, они сидели в одних чулках.

У стен стояли три кровати и шкаф. Несмотря на скромную меблировку, комната казалась нарядной. Парадный вид ей придавали чистые, накрахмаленные занавески на окне и белоснежные подушки, углом поставленные на середину кроватей.

– Девоньки! – торжественно сказала Фекла Ивановна. – А у нашего-то итальянца отец объявился.

– У какого итальянца, тетя Феклуша? – спросила Вера Каменева.

А Саша Иванова только вопросительно поглядела на техничку.

– Вот, смотрите. – Фекла Ивановна положила на учебники газету, разгладила ее шершавыми ладонями и ткнула пальцем в то место, где было напечатано письмо Рамоло Марчеллини.

Девочки прочитали письмо и вскочили. Не успела старая женщина рта раскрыть, как они исчезли из комнаты. Теперь Фекла Ивановна пожалела, что пришла со своей новостью сюда, а не к директору.

– Свяжешься с этими стрижами – завсегда ни при чем останешься! – обиженно вздохнула она.

А девочки в это время мчались через школьный двор к директору Федору Алексеевичу.

Саша Иванова обращает на себя внимание с первого взгляда. Пожилые люди смотрят на нее с доброй и чуть грустной улыбкой: она олицетворение молодости, свежести, счастья, порыва – всего того, что приходит к человеку так ненадолго и уходит так невозвратно.

Девушки смотрят на Сашу с нескрываемым удовольствием, в ней они видят себя; а некоторые смотрят с завистью: ведь не каждая так стройна, как Саша, не у каждой такие ясные карие глаза и весело вскинутые брови.

Мальчишки стали заглядываться на Сашу с четвертого класса. Очень уж хорошо улыбается она, поблескивая белыми, ровными зубами.

Саша учится в девятом классе. Ей шестнадцать лет. Она мечтает быть актрисой. В городских школах многие девушки мечтают быть актрисами. В Коршунской школе этого увлечения нет, но Саша мечтает о театре по-серьезному.

Живет Саша далеко от Коршуна. Больше суток надо плыть от села Покровского по реке на пароходе, а там пешком или с попутной машиной добираться до высокого открытого берега, на котором одиноко стоит дом бакенщика Иванова – отца Саши.

И дед, и прадед Саши жили в этом доме. Прадед был паромщиком, дед – бакенщик. Всю жизнь дед, как смеркалось, плыл на легком обласке зажигать бакен. Так и умер на реке. Зажег бакен последний раз, а утром нашли старика умершим. Течением прибило лодку к берегу.

Дом Ивановых стоит на высоком яру. К реке ведут выдолбленные в земле ступеньки. У берега качается на волнах моторная лодка – гордость и радость семьи Ивановых. Лодка голубая, как небо, и на правом борту ее надпись: «Сашенька».

Дом у Ивановых небольшой. Возле него коровник. Над коровником – сеновал. Дальше – огород. На огороде чучело в старой соломенной шляпе, в пестрых лохмотьях, развевающихся по ветру. Все надворные постройки Ивановых огорожены высоким забором. От многих хищников забор не уберезет, но иных остановит. За километр от дома бакенщика начинается глухая тайга.

Трудно сказать, что зародило в Саше горячую мечту стать актрисой: то ли нескончаемые песни величавой реки, то ли безбрежность и красота почти всегда ясного неба и необъятной тайги, или какие-то иные душевные силы.

Саша всю жизнь прожила вот на этом яру да в поселке Коршуне. В областном центре ей бывать не приходилось, а в других городах и подавно. О театре она только читала да слышала по радио, но представляла себе зрительный зал, кулисы театра и остро ощущала волнение, которое охватывает актера на сцене.

Она часто выступала. Зрительным залом у нее была величественная Обь, сценой – высокий яр. И все свободное время она проводила на этой сцене: разыгрывала в лицах эпизоды из пьес, инсценировки, которые сочиняла сама, пела, танцевала. Иногда около берега медленно проходил пароход. Увлеченная танцем или монологом, она не всегда замечала его. Пассажиры дружно аплодировали дочери бакенщика, капитан приветствовал ее гудком. А девочка, смутившись, спешила укрыться в невысоком кустарнике.

Жизнь в уединенном домике Ивановых шла спокойно и однообразно. Потому-то с такой радостью и поехала Саша в Коршунский интернат. Правда, жалко было оставлять отца с матерью. Первые годы очень тосковала о них, а потом привыкла. Домой приезжала только летом, да и то ненадолго. А зимой к дому бакенщика нет пути: дремлет река под тяжелым льдом, отдыхают в затонах лебеди-пароходы. Вокруг дома Ивановых на сотни километров царит безмолвие. Под холодным солнцем блестит ослепительный снег...

Однажды летом в Брусничное приехала бригада актеров из областного центра. В Коршуне, на крыльце поселкового Совета, повесили афишу. Но ученики старших классов работали на полях, за несколько километров от поселка, и ничего о приезжих не знали. В Коршун школьники возвратились вечером, когда в Брусничном уже начался спектакль.

Саша с подругами проходила мимо поселкового Совета.

– Девочки, тут что-то новое и красивое, – сказала одна из школьниц.

Все поднялись на крыльцо и прочитали афишу.

– Сегодня в восемь часов! А теперь сколько? – Саша вскинула голову и беспокойными глазами стала искать солнце.

А солнце – круглое, затуманенное розоватой закатной дымкой – уже пряталось за крышу интерната.

– Опоздали, однако! – с горьким отчаянием сказала Саша.

В это время за углом раздался шум мотора и сейчас же показался мотоциклист. Саша бросилась на дорогу и подняла обе руки.

– Подвезти? – с готовностью спросил молодой парень, серый от пыли.

– В Брусничное! – хором закричали школьницы, окружившие мотоцикл. – Скорее!

– Всех? – изумился парень.

– Только ее! – Подруги отступили от Саши.

Парень, видимо, решил, что в Брусничном у девушки произошло несчастье, и на бешеной скорости домчал ее до районного центра.

Так и появилась она на спектакле – в спортивных шароварах, в старых, запачканных в глине туфлях, наспех пригладив волосы.

Весь спектакль она простояла у стены, не замечая усталости, даже не подумав о том, что ее спортивный костюм вызывает у празднично одетых зрителей недоумение: «Откуда она, такая дуреха, взялась?» Зрители, сидящие ближе к Саше, то и дело поглядывали на нее. Забыв о себе, она жила той жизнью, которая развевалась на сцене. Глаза ее горели, щеки залил румянец, губы шевелились. Был даже момент, когда Саша медленно, между рядов, стала продвигаться к сцене. Она опомнилась лишь тогда, когда сзади послышались недовольные голоса:

– Девушка! Заслоняешь!

Много дней она жила впечатлениями этого спектакля. И с той поры ей еще больше захотелось стать артисткой.

В интернате у Саши есть близкие друзья. С Верой Каменевой она дружит с первого класса. Вместе сидят за партой, живут в одной комнате. И свободное время проводят вместе.

Впрочем, не всегда. Нежданно-негаданно в этом году у Саши появился еще один друг – Ваня Лебедев. Но сначала о Вере Каменевой.

Она высокого роста, тонкая, гибкая, с длинными ногами и широкими плечами. Подстрижена под мальчика. «А иначе стричь у нас не умеют», – как бы с сожалением говорит Вера, перебирая длинными пальцами коротко остриженные волосы. У нее довольно правильные, чуть удлиненные черты лица, красивые крупные губы и серые, тоже удлиненные глаза, которые по близорукости она часто прищуривает. Вера живет далеко от Коршуна и так же, как Саша, только в летние каникулы уезжает домой – в деревню Заречную.

Семья Каменевых отличается от других деревенских семей. Верина бабушка, Анна Матвеевна, приехала сюда в тридцатых годах. До этого она работала в городе в областном комитете партии секретарем-машинисткой. И в деревне работала она машинисткой в сельском Совете. Так и состарилась.

Беда ее жизни и всей семьи Каменевых была в том, что мать Веры, Клавдия Сергеевна, родилась глухонемой. В школе глухонемых получила девятилетнее образование, но в жизни применить его не сумела и теперь оставалась рядовой колхозницей.

Об отце Веры в семье никогда не упоминают. Вера знает, что где-то на белом свете живет бездушный человек, который к несчастной доле ее матери прибавил еще много горечи и слез. И когда Вера думает о нем, в душе ее поднимается тоскливое недоумение: как смеет человек человеку причинять такое страшное зло? Как может такой человек наслаждаться солнцем, светом, теплом, жизнью? Такой равнодушный, бессердечный, бесстыжий человек? И откуда они берутся – такие люди?

Больше всех на свете Вера любит свою бабушку. Свою гордую, властную, умную бабушку. Мать она тоже любит, но совсем по-другому: без удивления, без преклонения, а просто жалостью.

Федор Алексеевич намеревался пойти в мастерские и в дверях своего кабинета встретил девочек. Он взглянул на их ноги, понял, что прибежали они с каким-то важным сообщением, и возвратился к себе.

Молча и торжественно Саша положила на стол газету, так же, как Фекла Ивановна, разгладила ее ладонями и пальцем указала на письмо режиссера.

Директор склонился над газетой.

Несмотря на свои сорок три года, Федор Алексеевич по-юношески подтянут и строен. Он высок ростом и выглядел бы моложаво, если бы не сероватый цвет лица, напоминающий о какой-то застарелой болезни. У него бледно-голубые глаза, очень спокойные и очень серьезные. И такое же спокойствие и серьезность в его лице, в движениях, во всем облике. Красивые и мягкие черты его лица портит глубокий шрам, идущий от глаза к губам, через правую щеку. Это память о боях за родную землю в 1942 году.

Федор Алексеевич родился и вырос в Брусничном. До войны он был директором начальной школы. А высшее образование получил всего шесть лет назад. С тех пор и работает в Коршунской школе директором и преподает историю.

– Вот так события! – развел он руками, быстро пробежав глазами письмо итальянского режиссера. – Отец нашелся! И через столько лет...

В это время в комнату вошла старшая пионервожатая Тоня, маленькая, пышущая здоровьем, с веселыми ямочками на полных, румяных щеках.

– Вот, Тоня, читай, какие события разворачиваются! – сказал Федор Алексеевич.

Она взяла газету пухлыми руками, прочитала и, опускаясь на стул, сказала:

– Ох, елки!

Сказала и даже не смутилась, как это бывало обычно, когда в присутствии директора произносила эти злосчастные слова.

– После уроков второй смены объяви общешкольное собрание, – сказал Федор Алексеевич. – Нужно проверить все факты и уже тогда откликнуться.

И вдруг сразу все оживились:

– А может быть, это однофамилец?

– Почему же так поздно спохватился? Ведь прошло больше двадцати лет!

– Ох, елки! Весь Коршун всполошится!

– Опять елки! – поморщился Федор Алексеевич. – Ты смотри, из своих елок дров не наломай!

Девочки выскочили из кабинета, и через несколько минут в школе поднялись шум и беготня. Федор Алексеевич в задумчивости подошел к окну. Отсюда были видны высокие кедры с прямыми стволами, чахлые, задавленные боярышником пихты. По тропинке бежали ребяташки. «Узнали о письме режиссера, – подумал Федор Алексеевич. – Быстро!»

Ему вспомнились, как двадцать лет назад здесь, где теперь стоят дома Коршуна, шумела тайга. Не всем взрослым села Брусничного было известно, что в тайге есть могила неизвестного итальянца. Впрочем, школьники, особенно мальчишки, знали об этом.

Кто-то выбрал для могилы чудесное место на холме, между трех кедров, в изголовье поставили деревянный крест. Со временем крест подгнил и упал, дожди и солнце стерли с перекладины краску, которой было написано имя умершего, но все же десять лет назад еще можно было разобрать одно слово: «Итальянец». Когда выбирали место, где строить лесозавод, даже в деловых записках поминали могилу итальянца. Позднее вокруг завода разросся рабочий поселок, и в середине его остался кусок тайги. Это место назвали Итальянским парком.

Разные слухи ходили об итальянце: говорили, что был он известным путешественником, ученым, изучающим Сибирь; партизаном, принявшим участие в русской революции; итальянским солдатом, перешедшим на сторону советских войск в войну с фашистами. Но никто в точности не знал, какой же это итальянец лежит в русской земле, в далеком сибирском краю, когда и кем он похоронен.

Несколько лет назад рядом с Итальянским парком построили школу. Федор Алексеевич на первом же общешкольном собрании сказал, что надо научить ребят любить родной край и хорошо знать его. Он предложил комсомольской организации заняться поисками имени итальянца, похороненного в тайге, могила которого оказалась теперь в центре поселка, и ребята горячо поддержали предложение директора.

Школьники разделились на бригады, ездили в областной центр, в геологическое управление, в районный военкомат. В Брусничном и ближайших деревнях опросили всех стариков, воевавших в гражданскую войну. Никаких сведений о похороненном в тайге обнаружить не удалось. И только недавно, совершенно неожиданно, загадка была разгадана.

2

Славка Макаров учится тоже в девятом «А». Он самый старший в классе. Еще в феврале ему пошел восемнадцатый год. Со дня основания Коршуна Макаровы живут здесь. Отец, Семен Семенович, прежде на лесозаводе был мастером цеха пиломатериалов. Потом за расхищение заводской собственности его арестовали и отдали под суд, но вину установить не удалось, и его отпустили. Он стал работать кладовщиком в сельпо, однако вскоре и там был замешан в нечистых делах. Тут уж отвертеться на удалось – отбыл в лагерях три года. Снова возвратился в Коршун и сейчас устроился сменным вахтером на лесозаводе. Сидит в проходной будке всегда навеселе.

Славкина мать, Настасья Петровна, работает там же уборщицей. На работе – огонь, а дома совсем другая. С мужем жизнь не сложилась. Молча и покорно терпит его пьяные причуды, а иной раз и побои. Плачет наедине и жалуется только самой себе на свою горькую долю.

Сын Славка тоже не радуется. Растет непокорный, ветреный. В семнадцать лет уже не раз с отцом напивался. В милицию два привода имеет. Первый раз задержали с компанией малолетних, которых он, ради смеха, научил в темноте с прохожих шапки снимать. Другой раз попался с мелкой кражей.

А в уме, в способностях Славке не откажешь. Учится на пятерки. Хочется ему во всем быть первым, во всем от других отличаться. Он и одет не так, как другие. На нем военная гимнастерка, брюки защитного цвета и сапоги.

Славка высок ростом, сложения отличного. Видно, что силен и ловок. И лицом красив: нос с горбинкой, черные брови на переносье срослись, темные глаза горят беспокойным блеском.

Вот этот самый Славка Макаров как-то вечером, с небольшой компанией ребят из четвертого класса, отправился в Брусничное. Там их внимание привлек один дом. Он стоял на высоком каменном фундаменте и, несмотря на вечернюю пору, в отличие от других домов не был освещен. Окна закрывали ставни с железными перекладинами на болтах. Только одно окно было распахнуто. Подсаживая друг друга, ребята заглянули внутрь. В небольшой полупустой комнате кто-то спал на кровати. На столе горела лампа, закрытая абажуром, а сверху – полотенцем, и свет ее чуть падал на край стола, на котором стоял небольшой берестяной туес.

Славка посидел на подоконнике, приглядываясь к полумраку, и вскоре увидел, что на кровати спит лысый старик. Славка вынул из кармана шпагат, сделал на конце петлю и ловким, точным движением накинул ее на туес. Петля обхватила его плотно. Славка осторожно придвинул туес к краю стола, дернул – и тот на мгновение повис в воздухе, а затем осторожно опустился на пол, пополз к окну и вмиг оказался в Славкиных руках. Вся компания бросилась бежать.

– Сработано чисто! – стараясь не показать волнения, говорил Славка своим спутникам. Заметив смущенное молчание ребят, успокоил их: – Мне это зачем? Я так, из интереса...

Возвратившись в Коршун, ребята забрались в Славкин дровяник. Освещая карманным фонариком старинный туес с выжженным рисунком, Славка вытряс на пол его содержимое. Там оказались марки. Славка разделил их поровну между спутниками. Себе не взял ни одной.

И когда бросил туес в угол, тот ударился о стену, перевернулся и из него выпал конверт.

– Письмо какое-то... – пренебрежительно сказал Славка, однако подобрал его, сунул в карман и скомандовал: – Ну, а теперь по домам! Кто пикнет о том, что было, – плакать будет.

О письме Славка забыл и несколько дней протаскал его в кармане.

Как-то вечером был он дома один и томился от безделья. Неожиданно вспомнил о письме, достал его – конверт старый, пожелтевший от времени, – прочитал адрес: «Село Брус-

ничное. Большая улица, дом 19. Петру Константиновичу Федоренко». Вынул из конверта желтый, потрепанный лист бумаги, исписанный вкривь и вкось неровными, скачущими буквами:

Дорогой родитель Петр Константинович! Низко кланяется Вам Ваш сын Павел Федоренко.

Во первых строках своего письма сообщаю Вам радостную весть, что врагов гоним в хвост и в гриву. Здоровье мое хорошее.

Дюже хотелось бы мне посмотреть на Вас, побывать в родных местах, особливо тянет на Белый ключ, в те места, где мы схоронили солдата-итальянца. Но, видно, не так еще скоро придется мне побывать на Родине и старость Вашу уважить.

Еще раз низко кланяюсь Вам.

Ваш сын Павел Федоренко.

Письмо писано в январе 1945 года.

«Интересно, – подумал Славка, – кто же тот лысый старик, который на кровати спал? Может, отец?»

И вдруг Славка подскочил на стуле, словно оса его ужалила. Он схватил письмо, надвинул на голову кепку и бросился к дверям. Бежать! Но куда? К ребятам? К директору? И что он им скажет?

«Все, как было, без утайки», – говорил один голос.

«Соврать, что отобрал письмо у мальчишки, который вылез из открытого окна», – подсказывал другой.

Славка колебался, не зная, что предпринять.

Он бежал и думал о том, что всю сознательную жизнь его терзают эти противоположные голоса: один – честный, другой – подленький. И то первый, то второй одерживает верх, и вечно между ними идет спор.

Теперь верх взял Славка № 1.

Федора Алексеевича он нашел в палисаднике, возле своего дома, с лейкой в руках, в клеенчатом фартуке. Директор сажал георгины, которые выращивал с большим искусством. Летом толстые стволы георгинов доставали крышу дома директора и с этой высоты гордо смотрели их огромные разноцветные шапки: белые с розоватыми стрелками, нежно-желтые, желтовато-красные, как пламя, и пурпурные, переходящие почти в черный тон. Славка всегда любовался этими георгинами. Несколько раз даже рождалась мысль явиться сюда в темноте, сорвать пару красавцев и поднести Вере Каменевой. Но кто же в Коршуне не узнает директорских георгинов? Да и хозяина этих цветов Славка уважал больше всех на свете, и не хотелось доставлять ему огорчений.

Федор Алексеевич поставил лейку на завалинку, снял фартук.

– Ну, дружище, что скажешь?

Оба присели на ступеньку крыльца.

Славка ничего не сказал. Он просто передал директору письмо и с беспокойством стал ждать вопроса.

Вопрос последовал сейчас же.

Славка рассказал все как было, только отказался назвать своих спутников.

Федор Алексеевич долго молчал. Чесались руки – по-отечески дать ученику хороший подзатыльник. Этот парень давно беспокоил директора. Последнее время, правда, он вел себя хорошо, прошлое лето проработал в колхозе и замечаний не имел. И вот опять сорвался.

– Ну, вот что, Ростислав, пойдешь скажи Ивану – пусть Трошку запрягает... Поедем перед стариком извиняться. Даю тебе полчаса, чтобы забрать марки у своих дружков. Понятно?

Славке все было понятно. Он мгновенно исчез.

Федор Алексеевич поспешил к жене.

Елена Николаевна преподавала русский язык и литературу и была классным руководителем девятого «А». Школьники дали ей прозвище Царевна Несмеяна. Елена Николаевна на уроках никогда не улыбалась. Вид у нее всегда был такой печальный, что тем, кто не знал ее близко, хотелось с участием спросить: «У вас что-нибудь случилось?» Она была небольшого роста, полная, черноволосая, медлительная в движениях, с гладкой прической на прямой ряд. У нее были густые черные брови с трагическим изломом. А темные большие глаза в черных ресницах смотрели с такой грустью, что этот взгляд хватал за сердце каждого доброго человека.

Елена Николаевна, в пестром халате и домашних туфлях, сидела за письменным столом и готовилась к урокам. По быстрым шагам мужа, которые слышны были еще из сеней, она догадалась, что он торопится сообщить ей какую-то новость.

– Ленушка, кажется, наш итальянец скоро получит имя! – воскликнул Федор Алексеевич, подавая письмо.

Она стала читать вслух.

– Кто же этот Федоренко? И кто нашел... – Елена Николаевна не договорила, повела носом и бросилась в кухню.

Но было уже поздно: в едком чаду на плите дымилась сковорода с обугленными котлетами. Елена Николаевна сбросила котлеты в ведро для мусора и сердито распахнула обе створки окна.

– Ничего, Ленушка, поедим супу, – успокаивал ее Федор Алексеевич, – стоит ли из-за этого волноваться...

– Где же ты взял письмо? – забывая о котлетах, спросила Елена Николаевна.

И, выслушав рассказ мужа, вздохнула:

– Ох этот Макаров! Боюсь, придется с ним на другой метод переходить. Вор из него растет, Федя.

Федор Алексеевич заметил, что в этом возрасте неисправимых нет. Многое будет зависеть от школы.

– Многое, но не все. Семья влияет больше.

В этот момент в открытое окно кухни донесся насмешливый голосок, и в дверях появилась дочь Сибирцевых, десятиклассница Наташа. Она тоже немножко была Царевной Несмеяной. Тот же трагический излом густых черных бровей, те же темные и грустные глаза. Но губы у нее веселые, смешливые. И вся она – живая, порывистая – полная противоположность матери.

– Мамуля, опять котлеты прозанималась?

– В этом, Наташа, виноват итальянец, – ответил за мать Федор Алексеевич. – На-ка, прочти.

3

Темно-коричневый битюг Трошка, запряженный в легкий ходок, лениво бежал по дороге. Его широкие копыта с нависающей на них длинной шерстью стучали по засохшим глинистым колеям. Трошка прядал ушами и удивленно косил карим глазом – другой закрывала челка, – должно быть, недоумевая, зачем его, опытного тяжеловоза, заставляют, как легкомысленного рысака, скакать по засохшей грязи.

Дорога шла вначале лесом, между старых сосен, стволы которых можно было обхватить, только взявшись за руки двоим взрослым людям. Казалось, что вот-вот из-за такого ствола, розового от заходящего солнца, появится Красная Шапочка, а навстречу ей выбежит Серый волк и заговорит человеческим голосом. То справа, то слева от дороги среди сосен темнели могучие кедры. В их густо-зеленой хвое, где-то там, в небе, у самых макушек, прятались прошлогодние шишки, не сбитые сколотнем и еще не вылущенные белками.

Федор Алексеевич и Славка сидели рядом на высокой скамейке ходка. Федор Алексеевич держал вожжи, вернее, они лежали у него на коленях, потому что править Трошкой не было нужды: он и сам отлично знал дорогу. Разговор у директора с учеником был далеко не мирный.

– Понимаешь ли ты, Ростислав, что значит честь и гордость? – спрашивал Федор Алексеевич.

– Это условно, – отвечал Славка. – Вот вам я не могу соврать, а другим совру. У вас я бы и самую дорогую вещь не украл, а у старика слямзил никому не нужные марки.

– А как ты мерзок был в тот момент, когда лез в раскрытое окно, трусливо лез, бесчестно!

– Я просто из интереса лез, – угрюмо сказал Славка. – Марки мне не нужны.

– А если бы вместо марок на столе лежали деньги?

Славка пожал плечами и не ответил. Он и в самом деле не знал, как поступил бы тогда.

– Ты пойми, дурак этакий, в жизнь ведь вступаешь. С чем сейчас войдешь, то при тебе и останется: пойдешь ли широкой дорогой, с хорошими людьми бок о бок или будешь в темноте блукать, крутить закоулками...

Славка молчал.

– Ты вот говоришь, что просто из интереса лез... Ну, а представь себе, если все начнут ради интереса тащить друг у друга. Что из этого получится?..

Кончился лес. Перед глазами раскинулась однообразная поляна. Трошка бежал уже вдоль крутого, обрывистого яра. На реке шла горячая, полнокровная жизнь. Плыли баржи, груженные лесом и гравием. Шли пассажирские пароходы. На песчаной косе противоположного отлогого берега работала бригада рыбаков. Было видно, как под навесом повариха в белом халате накрывала столы для обеда. Один рыбак крутил ручку деревянного барабана, на который наматывалась бечева невода, и полукруг белых поплавков, лежавших на воде, суживался и все ближе и ближе подходил к берегу.

Но вот дорога повернула в сторону от яра, и навстречу поднялись приземистые домики окраины Брусничного. Поехали по широкой пустынной улице.

– Вот здесь, – сквозь зубы сказал Славка.

Федор Алексеевич пошевелил вожжами, и Трошка понял – свернул в открытые ворота.

– Посиди пока, – сказал Федор Алексеевич, бросая вожжи Славке на колени. Затем поднялся на крыльцо.

Дверь в дом оказалась незакрытой. Он вошел в просторную, грязную кухню, наполненную запахом жареного лука, картошки, пареной брюквы. У плиты суетилась старуха.

– Здравствуйте, бабушка, – громко сказал Федор Алексеевич.

Старуха проворно обернулась, убрала под черный платок выбившиеся седые пряди волос. Лицо ее было моложавым и даже румяным. Она приветливо поздоровалась, как ружье к ноге, опуская кочергу, смахнула передником пыль с крашеной лавки, пригласила гостя сесть.

Через несколько минут Федор Алексеевич узнал, что дом этот принадлежит молодому доктору Павловскому, который уехал в Москву на курсы усовершенствования врачей, забрав с собой жену и сына. А старушка работала у Павловских няней. Зовут ее Еремеевной. В одной комнате этого дома живет прежний его хозяин – больной, одинокий старик Федоренко. Лет пять назад разбил его паралич – он потерял речь, отнялись ноги и руки. За больным стариком ухаживала она из жалости. Думала, за это и к ней на старости лет кто-нибудь милосердие проявит. Еремеевна получала пенсию Федоренко, кормила его и по совету доктора Павловского в комнате больного целыми днями держала окно открытым.

Разговаривать со стариком Федоренко было невозможно. Но директору из педагогических соображений хотелось заставить Славку извиниться хотя бы перед няней. Он коротко рассказал ей историю с марками. Еремеевна всплеснула руками, заволновалась; она и не предполагала, что кого-то может привлечь открытое окно.

Федор Алексеевич вернулся за Славкой, но, к удивлению своему, во дворе его не обнаружил. Опустив голову и широко расставив толстые ноги, стоя дремал Трошка. На сиденье ходка лежал туесок с марками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.